

Владимир Одоевский

Город без имени

Владимир Одоевский
Город без имени

«Public Domain»

1843

Одоевский В. Ф.

Город без имени / В. Ф. Одоевский — «Public Domain»,
1843

«...Дорога тянулась между скал, поросших мохом. Лошади скользили, поднимаясь на крутизну, и наконец совсем остановились. Мы принуждены были выйти из коляски... Тогда только мы заметили на вершине почти неприступного утеса нечто, имевшее вид человека. Это привидение, в черной епанче, сидело недвижно между грудями камней в глубоком безмолвии...»

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	8
Комментарии	

Владимир Федорович Одоевский

Город без имени

В пространных равнинах Верхней Канады, на пустынных берегах Ореноко, находятся остатки зданий, бронзовых оружий, произведения скульптуры, которые свидетельствуют, что некогда просвещенные народы обитали в сих странах, где ныне кочуют лишь толпы диких звероловов.

Гумбольд. Vues des Cordilleres¹. Т. I¹¹

...Дорога тянулась между скал, поросших мохом. Лошади скользили, поднимаясь на крутизну, и наконец совсем остановились. Мы принуждены были выйти из коляски...

Тогда только мы заметили на вершине почти неприступного утеса нечто, имевшее вид человека. Это привидение, в черной епанче, сидело недвижно между горами камней в глубоком безмолвии. Подойдя ближе к утесу, мы удивились, каким образом это существо могло взобраться на вышину почти по голым отвесным стенам. Почтальон на наши вопросы отвечал, что этот утес с некоторого времени служит обиталищем *черному человеку*, а в околдке говорили, что этот черный человек сходит редко с утеса, и только за пищу, потом снова возвращается на утес и по целым дням или бродит печально между камнями, или сидит недвижим, как статуя.

Сей рассказ возбудил наше любопытство. Почтальон указал нам узкую лестницу, которая вела на вершину. Мы дали ему несколько денег, чтобы заставить его ожидать нас спокойнее, и через несколько минут были уже на утесе.

Странная картина нам представилась. Утес был усеян обломками камней, имевшими вид развалин. Иногда причудливая рука природы или древнее незапамятное искусство растягивали их длинною чертою, в виде стены, иногда сбрасывали в груды обвалившегося свода. В некоторых местах обманутое воображение видело подобие перистилей^[2]; юные деревья, в разных направлениях, выказывались из-за обломков; повилика пробивалась между расселин и довершала очарование. Шорох листьев заставил черного человека обернуться. Он встал, оперся на камень, имевший вид пьедестала, и смотрел на нас с некоторым удивлением, но без досады. Вид не знакомого был строг и величествен: в глубоких впадинах горели черные большие глаза; брови были наклонены, как у человека, привыкшего к беспрестанному размышлению; стан незнакомца казался еще величавее от черной епанчи, которая живописно струилась по левому плечу его и ниспадала на землю. Мы старались извиниться, что нарушили его уединение...

– Правда... – сказал незнакомец после некоторого молчания, – я здесь редко вижу посетителей; люди живут, люди проходят... разительные зрелища остаются в стороне; люди идут дальше, дальше – пока сами не обратятся в печальное зрелище...

– Не мудрено, что вас мало посещают, – возразил один из нас, чтоб завести разговор, – это место так уныло, – он похоже на кладбище.

– На кладбище... – прервал незнакомец, – да, это правда! – прибавил он горько, – это правда – здесь могилы многих мыслей, многих чувств, многих воспоминаний...

– Вы, верно, потеряли кого-нибудь, очень дорогого вашему сердцу? – продолжал мой товарищ.

Незнакомой; взглянул на него быстро; в глазах его выразалось удивление.

– Да, сударь, – отвечал он, – я потерял самое драгоценное в жизни – я потерял отчизну...

¹ Виды Кордильерой (франц.)

– Отчизну?..

– Да, отчизну! вы видите ее развалины. Здесь, на самом этом месте, некогда волновались страсти, горела мысль, блестящие чертоги возносились к небу, сила искусства приводила природу в недоумение... Теперь остались одни камни, заросшие травой, – бедная отчизна! я предвидел твое падение, я стонал на твоих распутиях: ты не услышала моего стоны... и мне суждено было пережить тебя.

– Незнакомец бросился на камень, скрывая лицо свое... Вдруг он вспрыгнул и старался оттолкнуть от себя камень, служивший ему подпорою.

– Опять ты предо мною, – вскричал он, – ты, вина всех бедствий моей отчизны, – прочь, прочь – мои слезы не согреют тебя, столб безжизненный... слезы бесполезны... бесполезны?.. не правда ли?.. – Незнакомец захохотал.

Желая дать другой оборот его мыслям, которые с каждою минутою становились для нас непонятнее, мой товарищ спросил незнакомца, как называлась страна, посреди развалин которой мы находились? – У этой страны нет имени – она недостойна его; некогда она носила имя, – имя громкое, славное, но она втоптала его в землю; годы засыпали его прахом; мне не позволено снимать завесу с этого таинства...

– Позвольте вас спросить, – продолжал мой товарищ, неужели ни на одной карте не означена страна, о которой вы говорите?..

Этот вопрос, казалось, поразил незнакомца...

– Даже на карте... – повторил он после некоторого молчания, – да, это может быть... это должно так быть; так... посреди бесчисленных переворотов, потрясавших Европу в последние веки, легко может случиться, что никто и не обратил внимания на небольшую колонию, поселившуюся на этом неприступном утесе; она успела образоваться, процветать и... погибнуть, не замеченная историками... но, впрочем... позвольте... это не то... она и не должна была быть замеченною; скорбь смешивает мои мысли, и ваши вопросы меня смущают... Если хотите... я вам расскажу историю этой страны по порядку... это мне будет легче... одно будет напоминать другое... только не прерывайте меня...

Незнакомец облокотился на пьедестал, как будто на кафедру, и с важным видом оратора начал так:

«Давно, давно – в XVIII столетии – все умы были взволнованы теориями общественного устройства; везде спорили о причинах упадка и благоденствия государств: и на площади, и на университетских диспутах, и в спальне красавиц, и в комментариях к древним писателям, и на поле битвы. Тогда один молодой человек в Европе был озарен новою, оригинальною мыслию. Нас окружают, говорил он, тысячи мнений, тысячи теорий; все они имеют одну цель – благоденствие общества, и все противоречат друг другу.

Посмотрим, нет ли чего-нибудь общего всем этим мнениям? Говорят о правах человека, о должностях: но что может заставить человека не переступать границ своего права? что может заставить человека свято хранить свою должность? одно собственная его польза! Тщетно вы будете ослаблять права человека, когда к сохранению их влечет его собственная польза; тщетно вы будете доказывать ему святость его долга, когда он в противоречии с его пользою. Да, *польза* есть существенный двигатель всех действий человека! Что бесполезно – то вредно, что полезно – то позволено. Вот единственное твердое основание общества! Польза и одна польза – да будет вашим и первым и последним законом! Пусть из нее происходят будут все ваши постановления, ваши занятия, ваши нравы; пусть польза заменит шаткие основания так называемой совести, так называемого врожденного чувства, все поэтические бредни, все вымыслы филантропов и общество достигнет прочного благоденствия.

Так говорил молодой человек в кругу своих товарищей, – и это был – мне не нужно называть его – это был Бентам. Блистательные выводы, построенные на столь твердом, положительном основании, воспламенили многих. Посреди старого общества нельзя было при-

вести в исполнение обширную систему Бентама: тому противились и старые люди, и старые книги, и старые поверья. Эмиграции были в моде. Богачи, художники, купцы, ремесленники обратили свое имение в деньги, запаслись земледельческими орудиями, машинами, математическими инструментами, сели на корабль и пустились отыскивать какой-нибудь незанятый уголок мира, где спокойно, вдали от мечтателей, можно было бы осуществить блистательную систему.

В это время гора, на которой мы теперь находимся, была окружена со всех сторон морем. Я еще помню, когда паруса наших кораблей развевались в гавани. Непрístupное положение этого острова понравилось нашим путешественникам. Они бросили якорь, вышли на берег, не нашли на нем ни одного жителя и заняли землю по праву первого приобретателя. Все, составлявшие эту колонию, были люди более или менее образованные, одаренные любовью к наукам и искусствам, отличавшиеся изысканности вкуса, привычкою к изящным наслаждениям.

Скоро земля была возделана; огромные здания, как бы сами собою, поднялись из нее; в них соединились все прихоти, все удобства жизни; машины, фабрики, библиотеки, все явилось с невыразимою быстротою. Избранный в правители лучший друг Бентама все двигал своею сильною волею и своим светлым умом. Замечал ли он где-нибудь малейшее ослабление, малейшую нерадивость, он произносил заветное слово: польза – и все по-прежнему приходило в порядок, поднимались ленивые руки, воспламенялась погасавшая воля; словом, колония процветала. Проникнутые признательностию к виновнику своего благоденствия, обитатели счастливого острова на главной площади своей воздвигнули колоссальную статую Бентама и на пьедестале золотыми буквами начертали: польза. Так протекли долгие годы. Ничто не нарушало спокойствия и наслаждений счастливого острова.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

Гумбольдт. Vues des Cordilleres. – В 1799–1804 гг. Александр Гумбольдт совершил путешествие по Америке, которое называют «вторым – научным – открытием Америки». Результатом этого путешествия было сочинение в 30 томах с общим названием «Voyage dans les regions equinoxiales du nouveau continent» (Путешествие в экваториальные области нового континента – франц.), 1807–1833. Часть этого сочинения, в котором давалась общая картина природы и климата Америки, называлась «Vues des Cordilleres».

2.

перистиль (греч.) – крытая галерея с колоннами, примыкающая к стене здания.